Грамматическое выражение одушевленности в современном иврите

С. С. Белоусов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); mail@serbel.ru

Аннотация. В ряде явлений как нормативного, так и разговорного современного иврита при словоизменении наблюдается вариативность на морфонологическом уровне, не объяснимая известными действующими в языке фонетическими процессами. Так, у относительных прилагательных может быть два вида окончаний для форм ед. ч. ж. р. и мн. ч. м. р.: один набор более употребим, когда речь идет о людях, и тогда прилагательные легко субстантивируются, второй набор характернее при определении неживых объектов. В то же время наблюдается вариативность при образовании форм сопряженного состояния мн. ч. слов именной модели $CvC(C)áC$, где модельный гласный *a* сохраняется в словах, называющих, в частности, профессии и качества людей, но редуцируется в других случаях. Практические грамматики и описания иврита не сопоставляют упомянутые явления, хотя имеющиеся данные позволяют видеть именное согласование на основании параметра одушевленности или личности существительного. Иерархия одушевленности, которую можно выстроить благодаря рассматриваемым примерам, в том числе маргинальным (употребление «человеческих» прилагательных не собственно при названиях людей), оказывается соотносимой с типологически распространенными моделями.

Ключевые слова: иврит, одушевленность, относительные прилагательные.

Grammatical representation of animacy in Modern Hebrew

S. S. Belousov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); mail@serbel.ru

Abstracts. Modern Hebrew is not generally considered a language with regular grammatical expression of the category of animacy. Usually, only question words

or demonstrative pronouns are used to exemplify the animacy state of nouns. However, there is more data for it.

First, relative adjectives defining nationalities, membership and different qualities, have a variation in their inflexion paradigms. Adjectives have four basic forms in Hebrew, that is singular or plural and masculine or feminine. When used to describe people, a certain type of suffixes is used in the SG.F and PL.M forms (and these forms can easily be substantivated), whereas when speaking about inanimate nouns, the adjectives use other suffixes. Data from the Internet, which indirectly represents spoken language, especially orthography, reveals that sometimes the affixes used to describe people are used with 'live' objects on the whole, and beyond that. I claim that this phenomenon is a representation of the category of animacy in Modern Hebrew.

Secondly, there is a derivational nominal pattern *CvC(C)áC* famous for its inconstancy when speaking of plural construct state form: sometimes the vowel *a* is reduced, and sometimes not (this variation can not be explained by any undergoing phonetic process): the vowel *a* usually persists when the word is a profession name or a quality of a human being, but in case of inanimate objects it is typical to see reduction of the vowel. Here, I suggest that the phenomena represents grammatical humanness rather than animacy.

In the conclusion, an animacy scale, based on the material of the article, is made up. Not surprisingly it turns out to be quite the same as some famous typological animacy scales.

Keywords: animacy, Hebrew, relative adjectives.

1. Введение

Одушевленность в именных системах языков мира зачастую не имеет собственных показателей, проявляясь в морфологии косвенно — путем воздействия на парадигмы словоизменения [Dahl, Fraurud 1996: 47], в частности обуславливая выбор показателей рода, числа и других грамматических категорий [Dahl 2008: 142, 143–144]. На этом фоне рассматриваемый в статье ивритский материал в особенности примечателен тем, что предполагаемая одушевленность выражается в виде специальных маркеров рода и числа для ряда форм.

Традиционно отмечается, что одушевленность не является согласовательной категорией в семитских языках [Gzella 2013: 109]¹, и в грамматиках современного иврита, если данная категория упоминается вообще, подчеркивается, что проявляется она крайне ограниченно [Дрейер 2009: 390].

Редким однозначным примером выражения одушевленности в иврите является употребление вопросительного местоимения *mi* ‘кто?’ для референтов — живых существ, противопоставляемого местоимению *ma* ‘что?’, указывающему только на неживые объекты:

- (1) *íma, mí / *má ze? — ze dóv.*
 мама кто / что DEM.SG.M DEM.SG.M медведь.SG.M

‘Мам, **кто** / *что это? — Это медведь’.

- (2) *íma, ma / *mí ze? — ze arón.*
 мама что / кто DEM.SG.M DEM.SG.M шкаф.SG.M

‘Мам, **что** / *кто это? — Это шкаф’.

Помимо этого существует ограничение на употребление указательных местоимений *ze* ‘этот’, *zot* ‘эта’ и *éle* ‘эти’ — в позиции прямого объекта они не могут указывать на живые существа [Дрейер 2009: 390]:

- (3) *raíti et zé*
 я.видел ACC DEM.SG.M

‘Я видел **это** / *этого’.

В (3) имеется в виду типичный объект вроде сумки или денег или иной *veici*, но никак не человек или животное. При этом указание на прямое дополнение посредством местоименных суффиксов специального аккумулятивного показателя *ot-ó* ACC-3SG.M возможно и при живом, и при неживом объектах.

Итак, в данном случае в иврите особым образом выражается именно **неодушевленность**. Подобное поведение является типологически засвидетельствованным [Becker 2014: 65]. В целом же

¹ Характерно в этой связи отсутствие упоминания одушевленности в библейском иврите в статье [Коган, Лёзов 2009].

двойственность в маркировании определенного прямого дополнения согласуется с представлением о том, что существование нескольких способов выражения винительного падежа «часто коррелирует с высокой степенью одушевленности» [Comrie 1989: 186].

В контекстах, рассмотренных выше, одушевленность устроена довольно прозрачно: существа биологически живые (или бывшие живыми), которые обладают «*animacy per se*» в терминологии [Yamamoto 2006: 30], маркируются как одушевленные, все прочие — как неодушевленные.

Однако этим не исчерпываются все случаи, когда одушевленность в современном иврите проявляет себя как полноценная грамматическая категория. Дальнейший разбор посвящен рассмотрению двух примечательных в плане выражения одушевленности ситуаций — относительным прилагательным (Раздел 2) и модели *CvC(C)áC* (Раздел 3).

2. Относительные прилагательные

2.1. Вступительные замечания

В иврите существует класс относительных прилагательных, форма SG.M которых образуется посредством добавления суффикса *-í* к той или иной именной форме или условной основе и даже к аббревиатуре [Dekel 2014: 121; Schwarzwald 2018: 111]. Например: *sfaradí* ‘испанский’ (от *sfarád* ‘Испания’), *yisreelí* ‘израильский’ (от *yisraél* ‘Израиль’), *yamí* ‘морской’ (от *yám* ‘море’), *betí* ‘домашний’ (от *báyit* ‘дом’) и т. п. Суффикс, как правило, ударен в прилагательных, давно существующих в языке, и безударен у новых слов, образованных от топонимов, в особенности иностранных [Schwarzwald 2018: 119, 124]. Данный способ словообразования является продуктивным, то есть новые слова такого типа при необходимости создаются говорящим «на лету».

Как видно из уже приведенных примеров, рассматриваемая модель позволяет создавать прилагательные, указывающие на ту или иную принадлежность, в частности национальную, географическую,

религиозную или культурную (и они особенно часто субстантивируются [Schwarzwald 2018: 111]), но широко распространены и другие значения, например: *amítí* ‘подлинный’ (от *emét* ‘истина’), *šikrí* ‘ложный’ (от *šéker* ‘ложь’), *rišmí* ‘официальный’ (от корня $\langle ršm \rangle$ со значением записи и регистрации).

При этом, если мы рассмотрим парадигму изменения данных прилагательных по роду и числу, то увидим, что у ряда слов имеется вариативность при образовании форм SG.F и/или PL.M:

(4)	SG.M	<i>betí</i> домашний	<i>ruśí</i> русский	<i>amerikáni</i> американский
	SG.F	<i>betít</i>	<i>ruśít / rusiyá</i>	<i>amerikánit</i>
	PL.M	<i>betiyím</i>	<i>rusiyím / ruśím</i>	<i>amerikániyim / amerikánim</i>
	PL.F	<i>betiyót</i>	<i>rusiyót</i>	<i>amerikániyot</i>

То есть от одной и той же основы в некоторых случаях могут образовываться две формы SG.F — с окончанием *-it* или *-iyá*, а также две формы PL.M — с окончанием *-iyim* или *-im*².

Такая ситуация вариативности («дублетные формы» в терминологии [Айхенвальд 1990: 44]) является сама по себе хорошо известным явлением и часто бывает связана с проявлением категории одушевленности [Comrie 1989: 191].

2.2. Форма PL.M

Начнем с формы PL.M: когда она имеет окончание *-im*, а когда *-iyim*?

Р. Блибойм пишет, что некоторые относительные прилагательные «могут выступать как в функции существительного (или прилагательного при назывании людей), и тогда их форма множественного числа будет *yehudím, anglím*³, так и в функции прилагательного, и тогда их

² Стабильно ударно только окончание SG.F. *-iyá*.

³ Еврейский.PL.M и английский.PL.M соответственно, т. е. с окончанием *-im*.

форма множественного числа будет *yehudiyím*, *angliyím*⁴...» [Bliboim 1995: 27] (выделение полужирным наше. — С. Б.). Иными словами, одна форма прилагательного (с возможной субстантивацией) употребляется обычно при определении людей, а другая используется преимущественно с прочими объектами⁵:

- (5) *ha-yehudím* / **yehudiyím* *xogegím* *et* *ha-xagím*
 DEF-еврейский.PL.M празднуют ACC DEF-праздник.PL.M

**ha-yehudím* / *ha-yehudiyím*...
 DEF-еврейский.PL.M

‘евреи празднуют еврейские праздники...’ [Bliboim 1995: 27]

Такая вариативность в формах PL.M согласуется с типологическим представлением о том, что одушевленность нередко приводит к различному маркированию числа, хотя скорее такое разделение было бы естественным для единственного числа, а не для множественного [Comrie 1989: 189–190].

Академия языка иврит полагает, что субстантивация непременно сопровождает образование форм на *-im* [Academy 2010], и если такое прилагательное попадает в постпозицию к существительному, то есть занимает типичное положение определения в иврите, то синтаксически это необходимо интерпретировать как приложение:

- (6) *mad’aním* *amerikáním* (при возможном *amerikániyím*)
 ученый.PL.M американский.PL.M

‘американские ученые’ = ‘ученые-американцы’ [Там же]

- (7) *arxeológim* *italkiyím* (при более ожидаемом *italkím*)
 археолог.PL.M итальянский.PL.M

‘итальянские археологи’ = ‘археологи-итальянцы’

[http://hippos.haifa.ac.il/images/Publications/Hippos2009ReportFull_Web_3.pdf]

⁴ Еврейский.PL.M и английский.PL.M соответственно, но с окончанием *-iyim*.

⁵ Это не строгое правило; форма на *-iyim* бывает возможна, хотя и не вполне типична, также при описании людей.

Соединение двух существительных посредством приложения действительно наблюдается в иврите — наряду с образованием конструкции с вершинным маркированием (аналог *изафета*) под названием *смиху́т*⁶, ср.:

(8)	<i>báyit</i>
дом
‘дом-музей’ (приложение)	<i>muzeón</i>
музей	~	<i>bet</i>
дом.CSTR
‘кафе’ (<i>смихут</i>)	<i>kafé</i>
кофе
(9)	<i>anaším</i>
люди
‘люди — искатели
приключений’ (приложение)	<i>harpatkaním</i>
искатели_приключений	~	<i>anšé</i>
люди.CSTR
букв. ‘люди приключений’
(<i>смихут</i>)	<i>harpatkaót</i>
приключения

Дополнительным свидетельством в пользу того, что *-im* указывает на существительные (субстантивированные прилагательные), а *-iyim* — на собственно прилагательные, служат формы с конечным ם, упоминаемые в [Bliboim 1995: 28] и [Academy 2013])⁷. В исходной форме это омографы, то есть ם может читаться как *-á* или *-a'í* в зависимости от значения. При образовании формы PL.M в первом случае слово оканчивается на ם״ם *-ím*, а во втором — на ם״ים *-iyim*:

(10)	SG.M
фермер.SG.M	<i>xakláy</i>	~	<i>xakla'í</i>
сельскохозяйственный.SG.M
	PL.M
фермер.PL.M	<i>xakla'ím</i>	~	<i>xakla'iyim</i>
сельскохозяйственный.PL.M
(11)	SG.M
журналист.SG.M	<i>itonáy</i>	~	<i>itona'í</i>
газетный.SG.M
	PL.M
журналист.PL.M	<i>itona'ím</i>	~	<i>itona'iyim</i>
газетный.PL.M

⁶ Буквально ‘близость’. Согласно традиционной терминологии, маркируемое существительное находится в «сопряженном» состоянии.

⁷ Отметим, что именные модели с конечным *-á* восходят к структуре CvC(C)áC, о которой пойдет речь в третьем разделе статьи.

Однако есть доводы и против интерпретации форм относительных прилагательных на *-im* как субстантивирующихся автоматически во всех ситуациях.

Во-первых, несмотря на наличие несомненных ситуаций приложения в иврите, два стоящих рядом существительных стремятся именно к образованию «смихута». Об этом говорят в том числе и встречающиеся в интернете⁸ искажения множественного числа для сочетания приложений по модели «смихута». В случае словосочетания из примера (12) литературная норма предполагает форму мн. ч. *batím muze'oním*, но в реальности мы видим конструкцию с вершинным маркированием:

- (12) *kše-taavrí ben baté ha-muzeón...*
 когда-вы_пройдете между дом.CSTR.PL.M DEF-музей
 ≈ 'Когда вы будете (про)ходить между «музейными домами»...'
 [https://www.amsterdam.org.il/בארנהיים_הפתוח_המוזיאון.html]

Во-вторых, если ограничиваться пока что рассмотрением только форм мужского рода, постулирование обязательной автоматической субстантивации форм на *-im* создает избыточность. Здесь получаются две парадигмы, для прилагательных и для существительных, с тремя идентичными формами, включая исходную, и одной различающейся формой в PL.M:

	прилагательное		субстантив. прилагат.
(13) SG.M	<i>amerikáni</i>	~	<i>amerikáni</i>
	американский		американец
SG.F	<i>amerikánit</i>	~	<i>amerikánit</i>
PL.M	<i>amerikániyim</i>	~	<i>amerikánim</i>
PL.F	<i>amerikániyot</i>	~	<i>amerikániyot</i>

⁸ К сожалению, рабочего корпуса иврита, отвечающего нашим задачам, на данный момент не существует, и какие-либо закономерности современного языка приходится проверять в интернете при помощи поисковой системы Google. Это позволяет делать некоторые обобщения, но исключает возможность надежных статистических заключений.

Не проще ли и «экономичнее» будет предположить, что это все то же прилагательное? Да, оно действительно может субстантивироваться, когда встречается в характерной для существительного синтаксической позиции, в том числе как самостоятельное подлежащее, но, выступая как определение при существительном, оно остается прилагательным⁹. Вариативность, следовательно, можно объяснить согласованием по одушевленности / неодушевленности с существительным путем выбора окончания.

Данные показывают, что формы «одушевленные» более вероятны для прилагательных в тех случаях, когда имеется указание на типичные свойства людей. Показательным может быть пример, когда в одном тексте употребляются две разные формы одного прилагательного — и в контекстной субстантивации (как одушевленное существительное), и без субстантивации (как определение при неодушевленном объекте):

- (14) *me-hayóm atém cimxoním* / **cimxoniyím*...
из-сегодня 2PL.M вегетарианский.PL.M

‘С сегодняшнего дня вы вегетарианцы...’

[https://www.mako.co.il/food-cooking_magazine/Article-d88cb526f16f831006.htm]

- (15) *mezonót cimxoniyím* / **cimxoním*
пища.PL.M вегетарианский.PL.M

‘вегетарианские продукты’ [Там же]

Мы можем попытаться найти дополнительное подтверждение нашим рассуждениям, если покинем рамки академической нормы

⁹ Любопытное рассуждение об «именах действующего» и об аналогичных ивритским «относительных прилагательных» в арабском языке мы находим у Б. М. Гранде: с одной стороны, они «могут выполнять функцию как существительных, так и прилагательных», с другой стороны — данная частеречная классификация для семитских языков условна, и термины «скорее относятся к синтаксической характеристике данных категорий слов, чем к семантической или морфологической. Они ⟨...⟩ характеризуют одно и то же слово по-разному, в зависимости от его синтаксической роли, от места, занимаемого им по отношению к другим словам» [Гранде 1998: 184].

и рассмотрим материал, предлагаемый письменным разговорным языком¹⁰, не подпадающий под действие правил, приведенных выше. Нетрудно увидеть, что чередование окончаний встречается и у тех прилагательных, субстантивацию которых трудно вообразить:

- (16) *atém lo normálím* (вместо: *normáliyim*)
2PL.M NEG нормальный.PL.M

‘Вы просто ненормальные!’ (по сюжету — выражение восхищения, обращение антропоморфного пакета молока к другим продуктам в холодильнике) [<https://www.youtube.com/watch?v=1TMSF9-4pEE>, аудиодорожка и субтитры]

Вряд ли мы можем увидеть здесь субстантивацию и противопоставление форм *нормальные* ~ *нормаленцы* (?), как в паре *американские* ~ *американцы*.

В то же время происхождение данной формы на письме можно объяснить подчеркнуто разговорным произношением персонажа процитированного мультфильма, которое в этом случае не будет свидетельством категоризации одушевленности, а представит всего лишь цепочку фонетических процессов живого языка, где на первом этапе происходит диереза, выпадение *y* в окончании *-iyim*, как в следующем примере:

- (17) *xorpi-ím* → *xorpí:m*
зимний-PL.M

‘зимние’ [Dekel 2014: 133],

а на втором этапе — сокращение образовавшегося долгого гласного *i* в постударной позиции, то есть мы бы ожидали дальнейшую эволюцию (17) в *xorpím*, хотя Н. Декель в своем исследовании разговорного иврита [Там же] о такой возможности не сообщает, равно как не делает этого и О. Шварцвальд: «*yarániyim* ~ *yarániim*» (японский.

¹⁰ К примерам из интернета следует относиться с осторожностью: в силу известной социолингвистической ситуации среди пишущих на иврите людей немало тех, для кого язык является выученным, в то же время носители языка склонны относиться к официальной орфографии с некоторой небрежностью. А. Л. Полян (личное сообщение) видит здесь проявление гаплогграфии.

PL.M) [Schwarzwald 2018: 120], но не *yapánim*. Тем не менее, по всей видимости, данное явление действительно имеет место, потому что в интернете нередко встречаются формы относительных прилагательных на *-im* в таких случаях, когда ни о какой одушевленности речи идти не может (например, в сочетаниях вроде «настоящие тренировки» или «подлинные данные»).

Наконец, мы можем предположить, что источник происхождения части примеров из интернета заключается в банальной опечатке (в ивритской графике формы на *-im* отличаются от форм на *-iyim* только отсутствием удвоения буквы *י*):

- (18) *gufim* *rusim* (вместо: *rusiyim*) *rišmiyim*
 учреждение.PL.M российский.PL.M официальный.PL.M
 ‘официальные российские учреждения’ [<https://rotter.net/forum/scoops1/268917.shtml>]

Но, если все же предположить, что речь идет не об опечатке, а о сознательном выборе формы, пример (18) дает материал для размышлений. Здесь определение, указывающее на принадлежность к стране (и тем самым более склонное к контекстам с одушевленным определяемым), приводится в форме на *-im*, а второе относительное прилагательное, которому менее свойственно предполагаемое выражение одушевленности, выступает в обычной форме на *-iyim*. Пример важен потому, что человеческие объединения и организации в языках мира нередко не только персонализируются, но и встраиваются в иерархию одушевленности на правах самостоятельного элемента (см. [Dahl, Fraurud 1996: 62; Bekins 2014: 112]), и в (18) мы видим, как определение, естественное при «живых» определяемых, будто бы проявляет согласование по одушевленности.

Характерным примером будет и употребление относительных прилагательных при названиях животных:

- (19) *šné klavim* *carfatim* (вместо: *carfatiyim*)
 два.M собака.PL.M французский.PL.M
nas'ú le-germánya...
 ехал.3PL DAT-Германия

‘Две французские собаки поехали в Германию...’ [https://www.facebook.com/permalink.php?id=456483297746551&story_fbid=456515004410047]

Такое формообразование может вновь интерпретироваться и как отражение на письме фонетических процессов, упоминавшихся выше, и как опечатка, но в то же время можно видеть здесь сознательное указание на географическую принадлежность именно одушевленного объекта — животного¹¹.

В любом случае при всей неоднозначности материала, предлагаемого интернетом, даже на основании лишь нормативной грамматики, мы можем следовать принципу экономичности и видеть в чередовании окончаний *-im* / *-iyim* еще один пример выражения одушевленности / неодушевленности в иврите.

2.3. Форма SG.F

Как было показано в примере (4), двойственное выражение могут иметь относительные прилагательные и в формах SG.F. Формы на *-iyá*, однозначно указывающие на одушевленные объекты и особенно легко субстантивирующиеся¹², могут образовываться только тогда, когда в исходной форме ударение падает на последний слог [Bliboim 1995: 27–28; Schwarzwald 2018: 121; Academy 2011]. В силу названного фонетического ограничения не от всякого прилагательного возможно образовать «одушевленную» форму, поэтому альтернативные формы на *-it* указывают и на людей, и на любые другие объекты:

¹¹ Можно упомянуть и наличие пейоративных примеров, когда представители какого-либо народа или определенной группы называются сочетанием «название животного + национальная принадлежность»: в этом случае тоже распространен и естественен выбор окончания одушевленных определений.

¹² Заметим также, что формы, оканчивающиеся на *-iyá*, сопоставляются с существительными еще и потому, что наиболее стандартным окончанием существительных женского рода является ударное *-á*.

- (20) *xaredlît / xarediyá* ← *xaredî*
 ортодоксальный.SG.F ортодоксальный.SG.M
 ‘ортодоксальная еврейская / ортодоксальная еврейка’

Обратное неверно: от некоторых прилагательных с ударением на последнем слоге все равно в норме образуется только форма SG.F на *-it*:

- (21) *ʔisreelît / *ʔisreeliyá* ← *ʔisreelî*
 израильский.SG.F израильский.SG.M
 ‘израильская; израильтянка’

Если создать поисковый запрос с формой **ʔisreeliyá*, среди результатов будет немало обсуждений, где люди спрашивают, корректная ли это форма. Этот факт свидетельствует о том, что образование той или иной формы SG.F для относительных прилагательных не полностью автоматическое, коль скоро вызывает вопросы. При этом реальных употреблений данной формы поисковой системой зарегистрировано сравнительно немного, но они встречаются:

- (22) *at ʔisreeliya* (вместо *ʔisreelît*)?
 2SG.F израильский.SG.F
 ‘Ты израильтянка?’ [<http://www.moomoo.co.il/sites/page.php?id=224602>]

Если рассмотренные выше формы PL.M в письменной разговорной речи создавали неопределенность в связи с фонетическими процессами живого языка и орфографическими проблемами, в том числе возможностью опечаток, то в случае форм женского рода подобные трудности исключены и ситуация более однозначна (хотя определенное, по нашему мнению незначительное, влияние выучивших язык на подборку примеров возможно).

Естественно, стандартными существительными при формах на *-iyá* будут обозначения людей, но встречается выражение одушевленности и при антропоморфных объектах, которые нередко воспринимаются как одушевленные — например, куклы¹³:

¹³ Аналогично ситуации в русском языке.

- (23) *yéš lax paním šel bubá*
 EXIST DAT.2SG.F лицо POSS кукла.SG.F

rusiyá (тж. возможно: *rusít*)

русский.SG.F

‘У тебя лицо как у «русской куклы» (матрешки)’. [<http://israblog.org/blogread.asp?blog=630364&blogcode=13653231>]

Хотя обычное употребление на *-it* гораздо более распространено при объектах, не являющихся отдельными людьми, мы можем найти примеры употребления «одушевленных» форм на *-iyá* при группах людей:

- (24) *mišpaxá carfatiyá* (вместо *carfatít*) *še-ractá*
 семья.SG.F французский.SG.F что-хотела

lecalém...

фотографировать

‘Французская семья, которая хотела сфотографировать...’ [<https://www.mako.co.il/hix-nature/Article-245384977376361006.htm>]

- (25) *lahaká angliyá* (вместо *anglít*) *xadašá*
 группа.SG.F английский.SG.F новый.SG.F

‘новая английская группа’ [<http://israblog.org/blogread.asp?blog=775398&blogcode=13366270>]

При типологически распространенном (ср. [Dahl, Fraurud 1996: 62]) метонимическом переносе «люди → места обитания» окончание *-iyá* встречается при названиях стран (показателен пример еще из библейского иврита), городов и районов:

- (26) ... *šárāš nākrīyá*
 земля.SG.F чужой.SG.F

‘[и стал я пришельцем в...] чужой земле’. [Исход 2:22]

- (27) ... *ki bexol zot zót lo mediná*
 поскольку тем_не_менее 3SG.F NEG государство.SG.M

nocriyá...

христианский.SG.F

‘...поскольку это всё же не христианская страна...’

[<https://www.fxp.co.il/showthread.php?t=19106614&page=4>]

- (28) *raítem yehudí še-gár be-ír arviyá* (вместо *arvít*)?
 вы.видели еврей что-живет в-город.SG.F арабский.SG.F

‘Вы видели еврея, который бы жил в арабском городе?’ [<https://www.ynet.co.il/Ext/App/TalkBack/CdaViewOpenTalkBack/0,11382,L-4003547-3,00.html>]

- (29) *mišpaxá yehudiyá* (вместо *yehudit*)
 семья.SG.F еврейский.SG.F

gára be-šxuná arviyá (вместо *arvít*)...
 живет в-район.SG.F арабский.SG.F

‘Еврейская семья живет в арабском районе...’ [<https://www.ynet.co.il/Ext/App/TalkBack/CdaViewOpenTalkBack/0,11382,L-4030568-5,00.html>]

Интересно, что и автоматический переводчик Google маркирует два определения к одному неодушевленному объекту по-разному:

- (30) *knesiyá rusiyá* (вместо *rusít*) *ortodóksit ba-kfár*
 церковь.SG.F русский.SG.F православный.SG.F в-деревня

‘русский православный храм в этой деревне’ [https://www.tripadvisor.co.il/Attraction_Review-g298484-d12211557-Reviews-Travel_Real_Russia-Moscow_Central_Russia.html]

Здесь прилагательное, выражающее национальную принадлежность, ведет себя как одушевленное, образуя форму на *-iyá* (можно предположить, что на такой выбор повлияло созвучное окончание существительного), а второе определение сохраняет обычную форму прилагательного на *-it*.

Рассмотрим также ситуацию с животными.

Нормативная грамматика не предполагает употребление форм на *-iyá*, однако поиск в интернете дает немногочисленные примеры такого употребления. При этом может подразумеваться как человек:

- (31) *cipór arviyá* (вместо *arvít*) *lax(a)šá li...*
 птица.SG.F арабский.SG.F шепнула мне

‘Мне нашептала арабская птичка...’ [<https://news.walla.co.il/item/3080484>],

так и собственно животное:

- (32) *éz arviyá* (вместо *arvít*) *rocá laasót beee,*
 коза.SG.F арабский.SG.F хочет сделать ...
avál yocé la feee
 но выходит DAT.3SG.F ...

‘Арабская коза хочет сказать *бе-е-е*, но у нее выходит *фе-е-е*’.
 [http://israblog.org/blogread.asp?blog=63895&catcode=32812&pagenum=16&catdesc=]

Мы можем осторожно интерпретировать эти примеры как свидетельство допустимости одушевленного маркирования животных.

2.4. Синтаксис

Выше, комментируя схему в (13), мы уже говорили о синтаксическом поведении тех или иных форм. Сделаем теперь несколько обобщающих замечаний.

1. Все формы, приведенные выше, могут вступать в атрибутивную связь с существительными (см. различные примеры словосочетаний).

2. В позиции именного сказуемого при очевидно одушевленном субъекте более характерны формы с предполагаемым выражением одушевленности, но могут употребляться и обычные формы, тогда как при неодушевленном субъекте скорее ожидаются последние.

3. В позиции подлежащего или прямого дополнения (если речь не идет об анафорических контекстах) самостоятельно, то есть с субстантивацией, возможны только формы «одушевленные» — см., например, подлежащее в примере (5) или дополнение в (33):

- (33) *aní ohév-et ostrálim / *ostráliyim*
 1SG люблю-SG.F австралийские.SG.M

‘Я люблю австралийских (одуш. = австралийцев) / *австралийских (неодуш.)’. [https://spaly.net/אני-חיה-באוסטרליה-מזה-חמש-שנים- /ואלו-הם-ה]

2.5. Относительные прилагательные: итоги

Итак, мы рассмотрели формы относительных прилагательных и, даже если не принимать во внимание неоднозначные данные разговорного языка, можно сделать вывод о выражении в этой ситуации категории одушевленности.

Относительные прилагательные, указывающие на принадлежность национальную (типа *rusí* ‘русский’, *yisreelí* ‘израильский’), географическую (*amerikáni* ‘американский’), религиозную и культурную (*yehudí* ‘еврейский’, *nocrí* ‘христианский’), сравнительно последовательно принимают специализированные формы SG.F и PL.M при одушевленных определяемых. Таким образом, в упрощенной идеальной ситуации имеется два набора окончаний:

	неодуш.		одуш.
(34) SG.M	<i>-i</i>	~	<i>-i</i>
SG.F	<i>-it</i>	~	<i>-iyá</i>
PL.M	<i>-iyim</i>	~	<i>-im</i>
PL.F	<i>-iyot</i>	~	<i>-iyot</i>

Мы видим, что набор окончаний условно одушевленного ряда в отдельных формах, с одной стороны, отличается от неодушевленного ряда незначительно, особенно если учитывать происходящее в разговорной речи превращение *-iyim* → *-i:m* → *-im*, что приводит к совпадению форм PL.M в схеме. С другой стороны, как было показано выше, окончание *-iyá* соотносится с характерными окончаниями именно существительных, равно как и *-im* (в противопоставлении *-iyim*) воспринимается как окончание, присущее скорее существительным — активным деятелям. Повторим, что это не обязательно говорит о непременной субстантивации форм прилагательных при одушевленном наборе окончаний, но объясняет их поведение в ряде синтаксических контекстов, а сами формы, таким образом, мы можем видеть как маркированные по признаку грамматической одушевленности.

3. Модель *CvC(C)áC*

Явление, которое мы рассмотрим в этом разделе, имеет неоднозначную интерпретацию.

Согласно классическим грамматикам, имена (существительные и прилагательные), принадлежащие ряду словообразовательных моделей типа *CvC(C)áC*, при образовании основы сопряженного состояния мн. ч. могут в общем случае выбирать либо вариант с сохранением гласного *a* основы (хотя он и теряет ударение), либо вариант с его редукцией¹⁴.

Модельный гласный *a* остается в словах, означающих «род занятий или качество», и редуцируется в противном случае [Barkali 2000: 16–17]. Поскольку под «родом занятий» подразумеваются названия человеческих профессий, а «качества» при ближайшем рассмотрении оказываются типичными характеристиками живых существ, мы можем увидеть в этом морфонологическом явлении выражение категории одушевленности.

Рассмотрим слова *sapár* ‘портной’ и *xaláš* ‘слабый’, являющиеся названием профессии и характерным качеством живого существа соответственно:

- (35) *saparé* / **sapré* *ašdód*
 парикмахер.CSTR.PL.M Ашдод
 ‘парикмахеры Ашдода’
- (36) *anaším* *xalašé* / **xalšé* *ófi*
 люди.PL.M слабый.CSTR.PL.M характер
 ‘слабохарактерные люди’

В примерах (35)–(36) мы видим, в полном соответствии с правилом, сохранение гласного *a*. Вместе с тем слова, не называющие

¹⁴ Редукция в современном произношении может быть как полной — переходом в ноль звука, так и переходом в *шва*, часто реализующемся просто как гласный *e*.

профессии или характеристики живого существа, — пространства, явления или явно неживые объекты¹⁵ — дают форму с редукцией:

- (37) *kikrot* / **kikarót* *ha-ír*
 площадь.CSTR.PL.F DEF-город
 ‘площади города’

Аналогичное приведенному выше замечание делает в своих «Решениях в области грамматики» и Академия языка иврит, говоря о разновидности именной модели для четырехконсонантных корней: гласный *a* сохраняется в словах, «указывающих на совершателя действия», и редуцируется в противном случае [Naḥlatot 2014: 19]. При этом под «совершателем действия» подразумеваются не только очевидно одушевленные субъекты вроде *carxán* ‘потребитель’ (38), но и инструменты (39):

- (38) *carxané* / **carxené* *ha-mayonéz*
 потребитель.CSTR.PL.M DEF-майонез
 ‘потребители майонеза’

Отсутствие редукции наблюдается в названии инструментов с трехконсонантным корнем:

- (39) *šalaté* / **šalté* *raxók*
 управитель.CSTR.PL.M дальний
 ‘пульта дистанционного управления’

Несколько неожиданно не редуцируется гласный и в слове *agás* ‘груша’:

- (40) *agasé* / **agsé* *ásya*
 груша.CSTR.PL.M Азия
 ‘груши Азии’

Предположим, что продукты могут маркироваться как своеобразный *инструмент* поддержания жизни человека, но нельзя исключать и спонтанного отклонения в системе.

¹⁵ За исключением инструментов, о чем см. ниже.

При этом в некоторых названиях животных, относящихся к моделям типа $CaC(C)áC$, редукция происходит, например в словах *ayál* ‘олень’ или *arnáv* ‘кролик’, а в других отсутствует, как в *tavás* ‘павлин’:

- (41) *ayelé* / **ayalé* *ha-olám* *ha-yaśán*
 олень.CSTR.PL.M DEF-мир DEF-старый

‘олени Старого Света’

- (42) *arnevé* / **arnavé* *ha-yáar*
 кролик.CSTR.PL.M DEF-лес

‘лесные кролики’

- (43) **tavsé* / *tavasé* *hódu*
 павлин.CSTR.PL.M Индия

‘индийские павлины’

Оставляя за скобками некоторые частные случаи моделей с вторичной геминацией, исключающей редукцию гласного, мы можем распределить слова модели $CvC(C)áC$ по двум основным группам:

а) редукция отсутствует:

- люди (профессии): *sapár* ‘портной’, *carxán* ‘потребитель’, *ikár* ‘крестьянин’ и др.;
- качества (преимущественно людей или инструментов): *xaláš* ‘слабый’, *xayáv* ‘обязанный’, *payád* ‘мобильный’ и др.;
- инструменты и пища: *cantár* ‘катетер’, *avrár* ‘отдушина’, *agás* ‘груша’;

б) редукция имеется:

- пространства: *kikár* ‘площадь’;
- явления и процессы: *idán* ‘эпоха’, *ikár* ‘суть’ и др.

При этом в названиях животных, как было показано выше, редукция может происходить (*ayál* ‘олень’, *arnáv* ‘кролик’, и др.¹⁶), а может и исключаться (*tavás* ‘павлин’).

¹⁶ К сожалению, для слова *nagáx* ‘бодливый’ — типичной характеристики животного — в источниках не зафиксировано формы CSTR.PL, поэтому мы не знаем, к какой группе оно бы относилось.

Предположим, что данное распределение имеет отношение к категории одушевленности или близости объекта человеку, и попробуем выстроить иерархию для существительных. Естественным образом наибольшая одушевленность всегда связана с человеком; инструменты, которые маркируются в моделях *CvC(C)áC* аналогично людям, следовательно, занимают вторую позицию. Далее мы переходим к словам с редукцией, предположительно менее одушевленным, и вынуждены расположить животных — фактически живых существ — уровнем выше, чем пространства и процессы. В свою очередь, пространства, которые могут иметь какой-то конкретный осязаемый референт, поставим выше максимальной абстракции — процессов. Мы получим следующую потенциально возможную иерархию:

(44) Люди (профессии) → инструменты → животные → пространства → процессы

И эта схема была бы соотносима в общих чертах с классическими иерархиями одушевленности [Silverstein 1976; Becker 2014: 63–64; Bekins 2014: 111–112], если бы не одна особенная деталь или даже изъян — инструмент, помещаемый выше животных. Это противоречит представлению, согласно которому «мы не находим языков, которые бы обращались с людьми и неодушевленными объектами одинаково, исключая животных» [Becker 2014: 10]¹⁷.

Можно в таком случае предположить, что иврит интерпретирует инструменты как близкие человеку, то есть совершает определенный (вероятно, метонимический) перенос, позволяющий представлять неживые объекты как «одушевленные». Само по себе включение неживых предметов в класс одушевленных не является чем-то уникальным [Dahl,

¹⁷ Любопытно, однако, вспомнить, что исключительный статус инструментов для совершения действия мог подчеркиваться в библейском и постбиблейском иврите, где имеются примеры «эргативного» маркирования подлежащего-пациенса при «неагентивном характере ситуации», и в частности инструмента — упавшего в воду топора [Коган, Лёзов 2009: 361] (этот элемент структуры не дошел до наших дней, но мы можем предположить, что языковая система «помнит» свои прошлые состояния и относится к инструментам особым образом).

Fraurud 1996: 63]; в языках классного типа это могут быть не только антропоморфные объекты, но и, например, деревья [Плунгян 2011: 142], а семитские языки как раз предположительно демонстрируют рудименты древней именной классной системы [Гранде 1998: 118]. В то же время, возможно, будет естественней считать инструменты своеобразными «совершателями действия», что позволяет увидеть в особенностях модели *CvC(C)ác* проявление не одушевленности, а другой категории — личности, для которой характерно противопоставлять людей и их артефакты всем прочим объектам [Плунгян 2011: 142–143].

Отметим, что постулирование категории личности в словах модели *CvC(C)ác* не исключает одновременного проявления категории одушевленности. Это можно продемонстрировать при помощи простейшего лексического теста: лексема *liškáv* ‘лежать’ возможна только с явно живыми объектами (люди, животные), тогда как формы слова *munáx* ‘возложен’ будут использоваться с неодушевленными предметами:

- (45) *ha-agás* ^{ok}*munax* / **soxév* *al* *ha-šulxán*
 DEF-груша.SG.M возложен.SG.M лежит.SG.M на DEF-стол
 ‘Груша лежит на столе’.

Мы видим, что груша (независимо от ее маркированности с точки зрения категории личности) интерпретируется языком как объект неодушевленный.

В свете всего сказанного необходимо отказаться от связи схемы в (44) с одушевленностью и признать ее иллюстрацией иерархии совсем другой категории — личности (с оговоркой: если такое построение вообще имеет право на существование, учитывая сравнительно небольшой языковой материал, который допускает различные интерпретации).

4. Выводы

Рассмотренные нами примеры и сделанные замечания укладываются в типологические представления об иерархии одушевленности. В [Bekins 2014: 112] представлена следующая схема:

- (46) Человек → организация → одушевленные (не люди) → неодушевленные

Мы говорили про организации и животных в связи с формами SG.F и PL.M относительных прилагательных, где будто бы можно видеть проявления одушевленности, а в разделе, посвященном существительным модели *CvC(C)áC*, построили свою иерархию одушевленности для иврита. Обобщив сказанное, мы получим схему, которая согласуется в общих чертах с (44):

- (47) Люди → антропоморфные → организация →
 + качества объекты (куклы) (семья, группа)
 → животные → неодушевленные
 (процессы, явления)

Конечно, на основании одних только рассмотренных фактов нельзя утверждать, что в языке происходит формирование или функционирование полноценной категории одушевленности: это могут быть и какие-то отклонения, которые система — напротив — стремится уничтожить, тем более что сведения из разговорного языка довольно неопределенные. Но при этом имеющиеся данные достаточно заметны, и ими нельзя пренебречь при разговоре об именном компоненте грамматики языка. Возможно, наш разбор позволит в будущем достичь большей ясности в вопросе грамматического выражения одушевленности в современном иврите.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — показатель определенного прямого объекта; CSTR — форма сопряженного состояния; DAT — дативный показатель; DEF — определенный артикль; DEM — указательное местоимение; EXIST — экзистенциальный показатель; F — женский род; M — мужской род; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; SG — единственное число.

Литература

- Айхенвальд 1990 — А. Ю. Айхенвальд. Современный иврит. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990.
- Гранде 1998 — Б. М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Дрейер 2009 — Л. М. Дрейер. Современный иврит // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 375–413.
- Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Древнееврейский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 296–375.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Academy 2010 — Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — siyomet -im le'umat siyomet -iyim [*Xaredim* and *xarediyim*, *xilonim* and *xiloniyim* — suffix *-im* vs. suffix *-iyim*] // Academy of Hebrew Language, 2010. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2010/03/25/סיומת-חילונים-וחרדיים-חילונים-וחרדיים> (дата обращения 16.02.2021).
- Academy 2011 — Datit o datiya — -it leumat -iya [*Datit* or *datiya* — *-it* vs. *-iya*] // Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2011/07/07/דתית-או-דתייה-סיומת-קית-לעומת-סיומת-דתייה> (дата обращения 16.02.2021).
- Academy 2013 — Xaklay ve-xakla'i — al ha-siyomot -ay ve-a'i [*Xaklay* or *xakla'i* — about the suffixes *-ay* and *-a'i*] // Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2013/06/18/חקלאי-וחקלאי-על-הסיומות-אי-ו-א-חקלאי> (дата обращения 16.02.2021).
- Barkali 2000 — Sh. Barkali. *Lu'ach ha-šemót ha-šalém* [Complete table of nominals]. Jerusalem: Reuven Mas, 2000.
- Becker 2014 — M. Becker. The acquisition of syntactic structure animacy and thematic alignment. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Bekins 2014 — P. Bekins. Transitivity and object marking in Biblical Hebrew. Winona Lake: Eisenbrauns, 2014.
- Bliboim 1995 — R. Bliboim. *Taxbír+ [Syntax+]*. Jerusalem: Academon, 1995.
- Comrie 1989 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Dahl 2008 — Ö. Dahl. Animacy and egophoricity: Grammar, ontology and phylogeny // *Lingua*. 2008. № 118. P. 141–150.

- Dahl, Fraurud 1996 — Ö. Dahl, K. Fraurud. Animacy in grammar and discourse // Th. Fretheim, J.-K. Gundel (eds.). Reference and Referent Accessibility. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 47–64.
- Dekel 2014 — N. Dekel. Colloquial Israeli Hebrew. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Gzella 2013 — H. Gzella. Animacy // G. Khan (ed.). Encyclopedia of Hebrew language and linguistics. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 109–110.
- Haxlatot 2014 — Haxlatót ha-akadémya ba-dikdúk [Academy rulings: Grammar]. Jerusalem: Academy of Hebrew language, 2014.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
- Schwarzwald 2018 — O. (R.) Schwarzwald. Stress assignment in words with *-i* suffix in Hebrew // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2018. Vol. 15. № 3. P. 110–127. URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTL38/pdf_doc/06.pdf (дата обращения 16.02.2021).
- Yamamoto 2006 — M. Yamamoto. Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

References

- Academy 2010 — *Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — siyomet -im le'umat siyomet -iyim* [*Xaredim ve-xarediyim, xilonim ve-xiloniyim — suffix -im vs. suffix -iyim*]. Academy of Hebrew Language, 2010. Available at: <https://hebrew-academy.org.il/2010/03/25/חרדים-וחרדיים-חילונים-וחילוניים-סי/> (accessed on 16.02.2021).
- Academy 2011 — *Datit o datiya — -it leumat -iya* [*Datit or datiya — -it vs. -iya*]. Academy of Hebrew Language, 2011. Available at: <https://hebrew-academy.org.il/2011/07/07/דתית-או-דתייה-סיומת-סיית-לעומת-סיומת/> (accessed on 16.02.2021).
- Academy 2013 — *Xaklay ve-xakla'i — al ha-siyomot -ay ve-a'i* [*Xaklay or xakla'i — about the suffixes -ay and -a'i*] // Academy of Hebrew Language, 2011. URL: <https://hebrew-academy.org.il/2013/06/18/חקלאי-וחקלאי-על-הסימות-אי-ו-אי/> (accessed on 16.02.2021).
- Aykhenvald 1990 — A. Yu. Aykhenvald. *Sovremennyy ivrit* [Modern Hebrew]. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990.
- Barkali 2000 — Sh. Barkali. *Lúax ha-šemót ha-šalém* [Complete table of nominals]. Jerusalem: Reuven Mas, 2000.

- Becker 2014 — M. Becker. *The acquisition of syntactic structure animacy and thematic alignment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Bekins 2014 — P. Bekins. *Transitivity and object marking in Biblical Hebrew*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2014.
- Bliboim 1995 — R. Bliboim. *Taxbír+* [Syntax+]. Jerusalem: Academon, 1995.
- Comrie 1989 — B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Dahl 2008 — Ö. Dahl. Animacy and egophoricity: Grammar, ontology and phylogeny. *Lingua*. 2008. No. 118. P. 141–150.
- Dahl, Fraurud 1996 — Ö. Dahl, K. Fraurud. Animacy in grammar and discourse // Th. Fretheim, J.-K. Gundel (eds.). *Reference and Referent Accessibility*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 47–64.
- Dreyer 2009 — L. M. Dreyer. Sovremennyy ivrit [Modern Hebrew]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Loesov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world: The Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow: Academia, 2009. P. 375–413.
- Dekel 2014 — N. Dekel. *Colloquial Israeli Hebrew*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Grande 1998 — B. M. Grande. *Vvedeniye v sravnitelnoye izucheniye semitskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Semitic languages]. Moscow: Izdatelskaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1998.
- Gzella 2013 — H. Gzella. Animacy. G. Khan (ed.). *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics*. Vol. I. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 109–110.
- Haxlatot 2014 — *Haxlatót ha-akadémya ba-dikdúk* [Academy rulings: Grammar]. Jerusalem: Academy of Hebrew language, 2014.
- Kogan, Loesov 2009 — L. E. Kogan, S. V. Loesov. Drevneyevreyskiy yazyk [Ancient Hebrew]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Loesov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world: The Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic]. Moscow: Academia, 2009. P. 296–375.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical semantics: Grammatical meaning and grammatical systems of the world’s languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.
- Schwarzwald 2018 — O. (R.) Schwarzwald. Stress assignment in words with *-i* suffix in Hebrew. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 15. No. 3.

- P. 110–127. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/JTL38/pdf_doc/06.pdf (accessed on 16.02.2021).
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity. R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. P. 112–171.
- Yamamoto 2006 — M. Yamamoto. *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.